

слание было написано Елифанием около 1413 г. в ответ на запрос Кирилла-Корнилия, который просил напомнить, когда Епифаний показывал ему Феофанов рисунок царьградского храма. Судя по ответу Епифания, весьма пространно описывающего не только деятельность Феофана, но и подробно характеризующего образ Софийского собора, этот запрос был продиктован не праздным припоминанием или, как думал Седельников, интересом Кирилла-Корнилия и Епифания к «полатному письму».²⁶

Вот, что писал Елифаний. Он вспоминает, что Юстиниан соорудил Софию «ротуясь и уподобився премудрому Соломону», и далее делает несколько неожиданное сопоставление Софии с Московским Кремлем: «ея же качество и величество нецыи поведаша яко Московский Кремль внутриградия и округ коло ея и основание и еж обходити округ ея; в нюже аще кто странен внидет и ходити хотя без проводника, без заблуждения не моши ему вон излести, аще и зело мудр быть мнится, множества ради столпотворения и околостолпия, сходов и восходов, преводов и преходов, и различных полат, и церквей, и лествиц, и хранильниц, и гробниц, и многоименитых преград, и предел, и окон, и путей, и дверей, влавов же и излавов и столпов каменных вкупе...». Далее Елифаний мотивирует свой интерес к изображению Софии тем, что «на таковой храм взирая, аки во Цареграде стояще мним». Весь приведенный текст передает не впечатление от рисунка Феофана, но представление выдающегося русского писателя о прославленном константинопольском храме, «качество и величество» которого ассоциировались у его современников с архитектурным ансамблем Московского Кремля. Рассказ Епифания и передает не столько образ Софии, сколько живописный ансамбль московской крепости, в белокаменных стенах которой сочетались в сложное целое храмы и хоромы с их переходами и лестницами. Сопоставление с Софией показывает, что Московский Кремль приравнивался к крупнейшей святыне Царьграда, которая в свою очередь соревновалась с храмом Соломона. Подробность же архитектурной характеристики свидетельствует о том, что запрос Кирилла-Корнилия был именно об этом; на него и ответил с большой обстоятельностью в своем послании Епифаний.

Можно с большой вероятностью определить причины интереса Кирилла-Корнилия к архитектурной теме. В это время, при князе Иване Михайловиче, ведется значительное строительство в тверском кремле: сооружается упомянутая выше ярусная церковь Ивана Милостивого, находящая себе «образец» в миниатюре «тверского» Амартола, рубится огромный столп звонницы при Спасском соборе, становящийся центральной осью кремлевского ансамбля (рис. 1). Весьма вероятно, что круг построек этого времени в кремле был шире, — деятельность князя Ивана Михайловича с 1413 по 1421 г. не отражена в летописи.²⁷ Позднее, при князе Борисе Александровиче, здесь вырастут при княжеском дворце новые белокаменные храмы Бориса и Глеба и Михаила-архангела. Весьма вероятно, что именно это кремлевское строительство и вызвало в Твери интерес к выдающимся сооружениям древности, а также и к крупнейшему ансамблю XIV—XV вв. на Руси — Московскому Кремлю, с которым соперничал кремль Твери.

Здесь нельзя не вспомнить еще раз²⁸ о том, что не только архитекторы использовали литературные сведения о строительстве прошлого, но и

²⁶ А. Д. Седельников. Из области литературного общения... стр. 170.

²⁷ А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси... т. II. СПб., 1891, стр. 503.

²⁸ Я писал об излагаемом ниже сюжете в своей статье «Архитектурный памятник как исторический источник» (стр. 54).